

Рубан Л.¹©, 2021

Неопределенность французской политической жизни: Сдвиг вправо и кризис представительной демократии

Аннотация. Статья посвящена эволюции французской политики в период с 2017 по 2020 г. Используя систематические опросы, которые проводятся Центром изучения французской политической жизни и в которых автор принимает непосредственное участие, он показывает, что политика президента Макрона не смогла преодолеть кризис представительной демократии, влияющий на доверие к политическим институтам. Большое влияние на политическую ситуацию в стране оказала пандемия коронавируса. Во Франции кризис, связанный с COVID-19, проявился не в противостоянии политических сил, а в критике гражданским обществом власти и в росте популизма. В этом отношении Франция резко отличается от Германии, где в целом сохраняется общественный консенсус, и Великобритании, в которой сохраняется доверие к системообразующим партиям. Популизм укрепился во французской политике, объясняя более чем любой другой фактор недоверие к президенту и к политике правительства в области здравоохранения. Рост леворадикального и праворадикального популизма не привел к исчезновению разделения между левыми и правыми. Во французском общественном мнении наблюдается сдвиг в сторону

---

¹ **Рубан Люк** – главный научный сотрудник Центра исследований французской политической жизни Института политических исследований (CEVIPOF SciencePo) (luc.rouban@sciencespo.fr).

правых ценностей и государственного вмешательства, что меняет ситуацию накануне президентской кампании 2022 г.

Ключевые слова: *популизм, французская политика, политическое разделение на правых и левых, президентство Макрона, кризис, связанный с пандемией.*

Как охарактеризовать политическую эволюцию Франции после президентских выборов 2017 г.? Для этого нужно исходить из проекта Э. Макрона, выдвинутого в 2016 г. Этот проект предлагал выйти за пределы привычного функционирования политической системы, с тем чтобы модернизировать французскую политическую жизнь, сосредоточив ее вокруг конкретных, прагматичных решений, которые не должны ограничиваться жестким выбором между правыми и левыми. На взгляд будущего президента, эффективность управления означала больше, чем идеологические установки. В его программе речь также шла о том, чтобы адаптировать Францию к глобализации, сделав ставку на открытие границ и развитие европейского проекта. Наконец, предполагалось пробудить интерес общества к демократическим дискуссиям, в частности, с помощью новых коммуникационных технологий. При этом приоритет отдавался обмену мнениями «по горизонтали», а не «по вертикали», как это было принято в Пятой республике, особенно с момента избрания президента всеобщим прямым голосованием (1962).

Осуществлению этого проекта в течение трех последующих лет помешали два серьезных кризиса. Первый кризис был связан с движением «желтых жилетов», который охватил Францию в ноябре 2018 г. и проявился в мощных манифестациях по всей стране. Протестующие выдвинули требования, связанные не только с повышением покупательной способности низших слоев среднего класса, но и с функционированием демократии во Франции. Участники акций протеста требовали снижения налогов, расширения доступа к государственным услугам, что особенно актуально для территорий за пределами крупных городов. «Желтые жилеты» также выступали в поддержку прямой демократии, заявляя о своем стремлении напрямую контролировать принятие политических решений через механизм референдумов и публичные обсуждения на местах. Вто-

рой кризис был связан с пандемией COVID-19, начавшейся в марте 2020 г. Он вызвал сомнения в обществе относительно эффективности правительственных решений в борьбе с эпидемией, а также породил типичное для популизма недоверие к науке.

Оба этих кризиса оказали схожее воздействие на политическую жизнь Франции: вновь укрепились «вертикальные» практики, решения все чаще принимались на высшем уровне. Эти процессы не повысили доверия граждан ни к национальным политическим институтам в целом, ни к институту президентства в частности. Таким образом, в период между 2017 и 2020 гг. снизилась вероятность осуществления заявленных Э. Макроном¹ целей. В стране вновь усилилось противостояние между правыми и левыми политическими силами, было забыто о проведении институциональной реформы, составлявшей важный пункт предвыборной программы президента.

Эти события разворачивались на фоне подъема популизма, как левого (его представляет «Непокоренная Франция» во главе с Ж.-Л. Меланшоном), так и правого толка (представлен «Национальным объединением» М. Ле Пен). Популизм в различных его ипостасях противостоит партии Макрона и его сторонникам. А оппозиционные партии, такие как Французская социалистическая партия (ФСП) и правоцентристская партия «Республиканцы», похоже, неспособны упрочить свои позиции. Политическое будущее Франции неопределенно, а исход президентских выборов 2022 г. остается туманным.

Кризис COVID-19

Кризис, связанный с COVID-19, высветил многие аспекты общественно-политической ситуации во Франции и ее специфику

---

¹ В оригинале у автора используется термин «макронизм» (*le «macronisme»*), который не употребляется в русском языке. Французский словарь «*Le Robert*» предлагает следующее определение термина: «политическое течение Э. Макрона». – Mode of access : <https://dictionnaire.lerobert.com/definition/macronisme> (Date of access – 17.11.2020). А «Викисловарь» более расширенно толкует термин как «совокупность доктрин, защищаемых Э. Макроном; приверженность им». – Mode of access : <https://fr.wiktionary.org/wiki/macronisme> (Date of access – 17.11.2020). – Прим. пер.

по сравнению с ФРГ и Великобританией. В феврале и апреле 2020 г., т.е. до этого кризиса и во время самоизоляции, Центром изучения французской политической жизни (Cevipof) было проведено исследование в трех странах, в ходе которого опрашивались одни и те же респонденты [Baromètre de la confiance., 2020]. Опрос показал, что во Франции прослеживается политический раскол, с одной стороны, между движением Э. Макрона и его политическими сторонниками, в основном центристскими избирателями, голосовавшими за «Демократическое движение» (MoDem), а также частью правого электората, и всеми остальными политическими партиями и движениями – с другой. А это значит, что страна переживает серьезный кризис демократии.

Во Франции политизация кризиса, связанного с COVID-19, проявилась не в противостоянии политических сил, а в критике гражданским обществом власти и в росте популизма. В Германии также наблюдался кризис представительной демократии, однако его следует воспринимать как углубление или расширение институциональных отношений и демократического консенсуса, зародившегося в 1949 г. с принятием Основного закона. В свою очередь в Великобритании политическая оппозиция принятым Б. Джонсоном мерам опиралась на противостояние политических партий, и ничто не указывает на недоверие опрошенных к существующей институциональной системе.

Характерно, что кризис, связанный с COVID-19, не оказал прямого воздействия на политическое самоопределение респондентов в период между февралем и апрелем 2020 г. Французы критиковали то, что больницы начиная с 2008 г. были принесены в жертву политике бюджетной экономии. Можно было ожидать, что недовольство состоянием системы здравоохранения приведет к сдвигу политических симпатий влево и усилит позиции сторонников государства всеобщего благосостояния. Однако результаты опроса свидетельствовали об инерционности самоопределения респондентов на политической шкале «левые–правые». Приведу конкретные цифры.

Почти четверть опрошенных (24,6%) в феврале заявили о том, что придерживаются левых и крайне левых взглядов (25% в

апреле); 13 – позиционировали себя в центре политического спектра (12,8 – в апреле); 18,4 – заявили о том, что придерживаются правых взглядов (18,4 – в апреле); о крайне правых взглядах заявили 7% опрошенных в феврале (7,5% в апреле). Почти треть опрошенных (31,5%) в феврале говорили о том, что не придерживаются ни левых, ни правых взглядов (31% в апреле), тогда как 4% считали себя одновременно и левыми, и правыми (4,4% в апреле). Незначительная часть респондентов (1,7% в феврале и 1,6% в апреле) затруднились обозначить свои политические предпочтения. Стабильность политических симпатий была также выявлена в Германии и Великобритании.

Подтверждение этой картины мы находим при анализе партийных предпочтений, когда респондентам задавался вопрос: какая партия им ближе всего. В феврале 2,4% опрошенных французов заявили о своей симпатии к крайне левым партиям, таким как «Рабочая борьба» или «Новая антикапиталистическая партия»¹ (2% в апреле). О близости к Французской коммунистической партии (Parti communiste français, PCF) заявил 1,6% опрошенных в феврале (1,4 – в апреле); к «Непокоренной Франции» (La France insoumise, LFI) – 5,3 французов (5 – в апреле); к Социалистической партии – 8,6 (8,7 – в апреле), к партии «Европа. Экология – Зеленые» (Europe. Ecologie – Les Verts, EELV) – 7,7% (7,2% в апреле). Партия Э. Макрона «Вперед, Республика!» (La République en Marche, LREM) привлекала 11,2% респондентов в феврале и 11,3% в апреле. «Демократическому движению» Ф. Байру (Mouvement des Démocrates, MoDem) в феврале симпатизировали 3,6% опрошенных (3 – в апреле), Союзу демократов и независимых (Union des démocrates et indépendants, UDI) – 2,3 (2 – в апреле), партии «Республиканцы» (Républicains, LR) – 9,4 (9,3 – в апреле); праворадикальной партии Н. Дюпон-Эньяна «Вставай, Франция!» (Debout la France!) – 2 (в феврале и апреле), «Национальному объединению» (Rassemblement national, RN) – 11,5% (10,8% в апреле). Не ощущали близости ни к одной партии 31% респондентов в феврале и 33,6% в апреле, еще 3,5% французов в феврале и апреле заявили о том, что

---

¹ «Lutte Ouvrière» (LO) и Nouveau parti anticapitaliste (NPA) – троцкистские партии.

симпатизируют иной партии или не знают, какой именно [Baromètre..., 2020].

Можно утверждать, что в указанный период ни одной политической партии не удалось усилить свои позиции, заметно лишь легкое проседание крайне левых и крайне правых партий. Небывалый кризис, который в настоящее время переживает французское общество, не отразился на политических симпатиях граждан. Современные французы не ждут, что какая-либо партия сформулирует оптимальные ответы на сложившуюся ситуацию. При этом они очень жестко критикуют правительство за инертность в снабжении населения масками и тестами на коронавирус, за безучастность к кризису, в течение года сотрясающему государственную больничную систему. Так, 47% опрошенных в апреле 2020 г. высказали крайнюю степень возмущения в отношении санитарного кризиса (оценки от 7 до 10 по 10-балльной шкале), тогда как градус крайнего возмущения отмечался среди 23% немецких респондентов и 31% британских.

Тем не менее инерционность политического позиционирования не означает, что политизации представлений вовсе не происходит. В этом смысле французское общество далеко от консенсуса. Политизация проявилась в ответе на вопрос о качестве правительственной политики. Респондентов спрашивали: «Считаете ли Вы, что правительство в целом хорошо справляется с кризисом?» В ответах на него в трех странах наблюдались схожие тенденции. Поддержка политики властей крайне неравномерна и коррелирует с голосованием на последних национальных выборах. Сторонники партии власти в основном одобряют шаги, предпринимаемые правительством, за исключением, может быть, Франции, где достаточно неоднородный электорат Э. Макрона не выражает однозначной поддержки властям. Наиболее критично настроен радикальный электорат, как левый, так и правый, кроме Великобритании, где критика проявляется в противостоянии консерваторов и лейбористов, что ставит данную проблему в центр привычной политической борьбы.

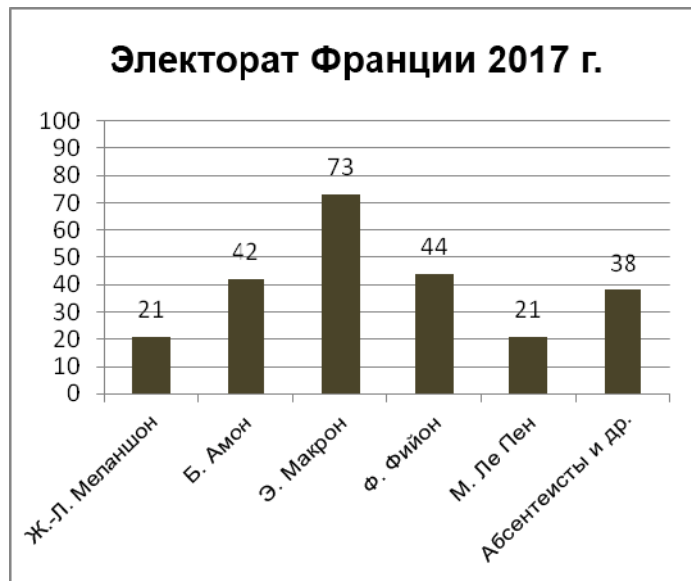
В ответах на этот вопрос наиболее явно выявилось различие между политизацией, в рамках которой связанный с COVID-19 кризис решается существующими и признаваемыми большинст-

вом демократическими институтами, как это происходит в Германии и Великобритании, и политизацией, в основе которой лежит недовольство системой демократического представительства, часто радикальное, которое имеет место во Франции. Там средний уровень поддержки политики властей самый низкий, электоральные контрасты наиболее выражены, а электорат Э. Макрона обособлен. Расхождения выглядят еще более глубокими, если рассматривать политическое самоопределение опрошенных. Поддерживают тезис о хорошем управлении в кризисной ситуации лишь те из них, кто занимает центральные позиции на политической шкале (67%), тогда как остальные настроены не так позитивно: 30% среди «крайне левых» респондентов, 41 – среди «левых», 46 – среди считающих себя «правыми», 23 – среди «крайне правых» и 35% – среди тех, кто не относит себя «ни к правым, ни к левым».

Графики 1-3. Оценка избирателями того, как власть справляется с кризисом COVID-19 в Германии, Франции и Великобритании
(% опрошенных, дающих положительную оценку политике)

Абсентеисты и др. – не пришедшие на выборы, не заполнившие или испортившие бюллетень.

Источник: [Baromètre..., 2020].

Ключевая роль популизма

Политическая ситуация во Франции выглядит более сложной, чем в Германии и Великобритании, поскольку к естественному противостоянию между президентским большинством и оппозицией добавляется серьезная критика обществом представительной демократии. Изначально политическая стратегия Э. Макрона заключалась в том, чтобы воспользоваться разрывом между популизмом «Непокоренной Франции» или «Национального объединения» и широким центристским объединением вокруг его проекта, с тем чтобы изолировать ФСП и «Республиканцев». В ходе выборов эта стратегия оказалась успешной. Назначив в правительство Э. Филиппа в мае 2017 г., а позже в правительство Ж. Кастекса в июле 2020 г. одновременно министров-социалистов и министров-республиканцев, президент сумел дестабилизировать обе эти партии, продемонстрировав, что он объединяет людей доброй воли вопреки традиционным партийным расколам.

Тем не менее политическая ситуация во Франции не сводится лишь к электоральной стратегии. Популизм тревожно маячит на заднем плане, провоцируя рост числа воздержавшихся от голосования на национальных и местных выборах. Так, на последних муниципальных выборах в июне 2020 г. число воздержавшихся в первом туре достигло рекордной отметки в 55,3%. Конечно, санитарный кризис отчасти объясняет неявку французов к избирательным урнам. Однако опросы показывают, что абсентеизм вызван разочарованием в кандидатах или полным отказом граждан от участия в политической жизни¹. Не будем забывать, что абсентеизм в первом туре парламентских выборов в 2017 г., т.е. задолго до начала санитарного кризиса, достиг рекордных значений (51,3%).

Как оценивать популизм во Франции? Можно усомниться в подлинности этого популизма, не вписывающегося в историче-

---

¹ *Participation et enjeux du vote au second tour des municipales de 2020. Enquête IFOP pour Directs.fr. – 2020. – 12.06. – Mode of access : <https://www.directs.fr/wp-content/uploads/2020/06/Directsfr-Ifop-Municipales.pdf> (Date of access – 20.12.2020).*

скую модель «настоящего» популизма. Современные популистские движения выступают против элиты и концентрации власти в одних руках, они стоят на стороне народа, но при этом не стремятся к установлению авторитарного режима одной-единственной партии со всемогущим лидером во главе, подобно итальянскому фашизму 1920-х годов или популистской власти в нынешней Венесуэле. Напротив, они настаивают на расширении демократического пространства путем более широкого использования референдумов, жеребьевки в процессе формирования выборных органов, запрета профессионализации политической деятельности, изменения системы голосования на парламентских выборах в пользу пропорционального представительства [Rouban, 2019]. Эти требования содержатся в программе «Непокоренной Франции» и других крайне левых партий и движений. Некоторые из них встречаются в программах крайне правых («Национальное объединение»), хотя эта партия ставит указанные требования на службу националистическим интересам.

В настоящее время во Франции мы имеем дело скорее с «неопопулизмом», выступающим против концентрации политической власти в одних руках. Этот «неопопулизм» стал выражением растерянности и возмущения той пропастью, которая образовалась между уровнем, на котором реально принимаются политические решения (Европейский союз, кабинеты президента Республики и премьер-министра, эксперты), и демократическим голосованием, в рамках которого осуществляется воля народа и которое, похоже, утрачивает свое значение. Этот «неопопулизм» выступает против того, что вся политическая жизнь отныне сконцентрирована вокруг президентских выборов и что голосование на парламентских выборах и состав Национального собрания не отражают реального расклада политических сил в стране. Сегодня этот вопрос присутствует в ходе политических дебатов, поскольку вся история Французской Республики берет начало в суверенной власти народа в том виде, в каком она была провозглашена революцией 1789 г. и последующими революциями, в частности революцией 1848 г. Недавние кризисы вновь актуализировали эту проблематику. Происходит сближение идеи, что гражданство лишилось своей сути, с

критикой политики властей, которая рассматривается как выгодная международным рынкам и чересчур неолиберальная, и неприятным возрастающим социальным разрывом между хорошо образованными французами, пользующимися плодами глобализации, и страдающими от нее малоквалифицированными людьми.

Анализ показывает, что неопопулистская критика, которую некоторые авторы определяют как «критически настроенное гражданство» (*citoyenneté critique*) [Pélabay, Sénac, 2017], играет отнюдь не ключевую роль не только в оценке государственной политики, поскольку она ведет к дискредитации официальной информации, но и снижает доверие к президенту Республики. С февраля по апрель 2020 г. уровень доверия к первому лицу вырос незначительно (с 33 до 36%, если объединить тех, кто «полностью доверяет» и «скорее доверяет»). И в этом отношении французский случай заметно отличается от немецкого и британского, поскольку уровень доверия к канцлеру ФРГ и премьер-министру Великобритании в указанный период существенно возрос: в отношении А. Меркель – с 47 до 58%, а в отношении Б. Джонсона – с 44 до 64%. И это притом, что управление санитарным кризисом, по крайней мере в Великобритании, не отличалось в лучшую сторону по сравнению с Францией.

Чтобы проанализировать факторы, определяющие уровень доверия к главе исполнительной власти – президенту Республики во Франции, канцлеру в ФРГ и премьер-министру в Великобритании, – мы рассматриваем социально-политические параметры, которые могли оказывать влияние на представления респондентов в апреле 2020 г.

Прежде всего мы использовали персональные характеристики, такие как возраст и уровень образования. Мы также построили, опираясь на профессиональную номенклатуру, разработанную МОТ (Международная стандартная классификация профессий, ISCO), индикатор социально-классовой принадлежности, включающий три категории, чтобы иметь возможность корректных сравнений межстрановых результатов. Кроме того, мы опирались на составные индексы, построенные на основе нескольких характеристик, с тем чтобы получить устойчивые оценки статистиче-

ских параметров¹. Были использованы идентичные индексы для всех трех стран.

Первый параметр относится к уровню экономического либерализма. Одним из последствий кризиса стало возвращение сильного государства, берущего на себя регулирование многих процессов, а также усиление критики, особенно слева, либеральной политики, направленной на сокращение государственных расходов и услуг населению. Таким образом, можно предположить, что степень экономического либерализма может играть существенную роль в оценке того, как власти справляются с санитарным кризисом. Индекс экономического либерализма основывается на ответах на следующие вопросы: надо ли сокращать количество чиновников; должно ли государство доверять предприятиям; должна ли экономическая конкурентоспособность иметь приоритет по отношению к покупательной способности лиц, работающих по найму.

Второй параметр касается властных полномочий исполнительной власти в области введения мер самоизоляции, усилившихся во Франции в ущерб гражданам и выборным лицам на местах. Так, закон о чрезвычайной ситуации в связи с санитарным кризисом позволил осуществить централизацию принятия решений, например, в отношении ношения масок в общественных местах, которое было доверено государству, за исключением крайних обстоятельств. При этом многие граждане критиковали сокращение гражданских свобод. Кроме этого, можно отметить и важную роль экспертов, врачей и биологов, консультировавших власти при принятии решений. Индекс властных полномочий основывается на ответах на следующие вопросы: хорошая политическая система – это та, (1) во главе которой стоит сильная личность, не заботящаяся о мнении парламента или результатах выборов; (2) в которой эксперты, а не правительство, решают, что лучше для страны; (3) в которой армия управляет страной (данный вариант набрал наименьшее число голосов). Властные полномочия рассматриваются в

---

¹ Эти индексы представляют собой согласованные статистические шкалы, подтвержденные альфой Кронбаха, – от 0,550 до 0,660.

данном контексте не как власть авторитарного режима, ограничивающего гражданские свободы, но, скорее, как стиль управления, в рамках которого решения исполнительной власти и профессионалов играют большую роль, чем политические дебаты, при выборе приоритетных путей эффективной деятельности государства.

По схожему принципу был составлен индекс популизма, основанный на положительных ответах на три утверждения: политикам, скорее, свойственна коррумпированность; хорошая политическая система – это та, в которой граждане, а не правительство, решают, что лучше для страны; демократия функционировала бы лучше, если бы депутатами были граждане, выбранные с помощью жеребьевки. Индекс популизма включает в себя различные параметры популизма: неприятие выборных должностных лиц за присущую им моральную нечистоплотность; неприятие представительной демократии из-за социальных фильтров, которые она устанавливает между народом и властью; склонность к прямой демократии. Мы сохранили термин «популизм» из соображений удобства, однако данный индекс указывает также на непризнание демократических механизмов, расцениваемых как изжившие себя.

Еще один индекс относится к степени межличностного доверия и основывается на положительных ответах на три вопроса о доверии к соседям, к людям, встреченным впервые, и к лицам иной национальности. Мы не рассматривали доверие к членам семьи, которое всегда находится на высоком уровне. Межличностное доверие всегда является социальным маркером респондентов с высоким уровнем образования и принадлежащих к средним или высшим социальным слоям. Но это также индикатор степени сплоченности общества.

Наконец, чтобы сопоставить уровень доверия к главе исполнительной власти и экономическую ситуацию опрошенных, вызванную нынешним кризисом, мы ввели индекс экономических трудностей. Он основан на ответах на вопросы: вызвал ли кризис, связанный с COVID-19, финансовые затруднения для респондента или членов его семьи; угрожает ли им опасность остаться без работы в ближайшие месяцы; хватает ли их семейного дохода на проживание.

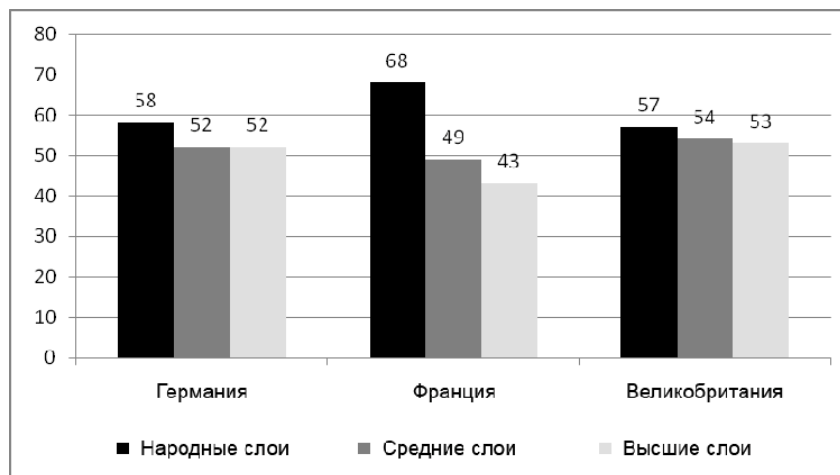
Проведенный нами анализ показывает, что уровень доверия к президенту Республики во Франции объясняется в первую очередь, намного опережая другие параметры, степенью популизма. Вторым идет уровень экономического либерализма, что отсылает нас к преобладающим среди электората Э. Макрона ценностям. На третьем месте находится политическое самоопределение, что отражает высокую степень политизации дебатов. И на четвертом месте – уровень межличностного доверия, который сам по себе тесно связан со степенью экономического либерализма и с отторжением популизма. При этом экономическая ситуация опрошенных не является значимым фактором.

Мы проделали аналогичный анализ в отношении Германии и Великобритании. Что касается Германии, то уровень популизма остается наиболее мощным объяснительным фактором, опережая уровень межличностного доверия. Только эти два фактора обладают статистической значимостью для этой страны. Социальная сплоченность и относительный консенсус по поводу политических институтов тем не менее существенно ограничивают варианты ответов по сравнению с французской ситуацией. Ситуация в Великобритании значительно отличается, поскольку первым по степени влияния фактором является политическое позиционирование опрошенных, за которым следует уровень экономического либерализма, притом что этот фактор не очень четко выявляется статистически.

Сравнительный анализ также показывает, что именно во Франции популизм оказывает наибольшее воздействие на политическую жизнь, притом что его средний уровень не выше, чем в Германии или Великобритании. Действительно, если мы возьмем индекс популизма в том виде, как мы его определили, и выделим две противостоящие группы, одну с респондентами, для которых характерен высокий уровень популизма, а другую – с низким и средним уровнем, то увидим, что между этими странами не наблюдается существенных различий по доле населения, для которого характерен высокий уровень популизма. Среди французских респондентов таковых 57%, среди немецких – 55, среди британских – 51%.

Как же тогда объяснить крайне выраженный эффект популизма во Франции? Первый ответ заключается в том, что неприятие политических элит и критика их коррумпированности не влекут за собой одни и те же политические последствия в разных странах, поскольку недовольство в данной сфере вызывает разные проявления в зависимости от политической истории той или иной страны. Во Франции история антипарламентаризма имеет давние корни. Страна яростных политических битв во имя республиканского равенства не может быть поставлена в один ряд со страной, где существует недавний, но мощный консенсус, как это имеет место в Германии, где конституционный порядок пользуется всеобщим уважением, или со страной с вековыми парламентскими традициями, как это наблюдается в Великобритании. Культурологическое объяснение, несомненно, верно, но не исключает и другую версию, касающуюся бóльшей социальной сплоченности в Германии и Великобритании, чем во Франции.

График 4. Доля популистов по странам и социальным категориям (%)

Действительно, если мы посмотрим на распространенность популизма через призму социальных категорий, то увидим, что

наибольшие расхождения между низшими и высшими слоями существуют именно во Франции. Впрочем, французские высшие слои менее критично относятся к представительной демократии, чем немецкие и британские. Конфликт представлений разжигается во Франции глубоким социальным расколом.

Эволюция политического пространства Франции с 2017 г.

Кризис «желтых жилетов», как и кризис, вызванный COVID-19, обнажили социальный раскол. Последний кризис провел четкую грань между административно-управленческими и квалифицированными работниками, которые имеют возможность работать дистанционно, и рабочими и служащими частного и государственного секторов, которые не могли избежать контактов с клиентами и, соответственно, подвергали риску свое здоровье [Cautrès, Rouban, 2020]. Аналогичное противостояние социальных категорий проявилось и в политической оппозиции между электоратом Э. Макрона, достаточно немолодым и высокодипломированным, и электоратом Ж.-Л. Меланшона или М. Ле Пен, молодым, менее дипломированным, часто затронутым безработицей, более скромного социального профиля. Конфронтация между социальными классами определяет структуру французского политического пространства, способствуя воспроизводству кризиса демократии. Не будем забывать, что около трети рабочих воздержались от голосования во время первого тура президентских выборов¹, а 66% – во время парламентских выборов 2017 г.², тем самым сделав результаты этих выборов неоднозначными и дав пищу популистским силам.

Тем не менее противостояние между электоратом Макрона и электоратом популистских партий не устранило разрыв между правыми и левыми. Этот разрыв был затушеван в ходе выборов

---

¹ *Présidentielle 2017–1er tour : Décrypter le vote des français / BVA.* – 2017. – 23.04. – Mode of access: <https://www.bva-group.com/sondages/presidentielle-2017-1er-tour-decrypter-le-vote-des-francais> (Date of access – 20.12.2020).

² *1er tour législatives 2017 : Sociologie des électorats et profil des abstentionnistes / IPSOS Sopra-Steria.* – 2017. – 11.06. – Mode of access: <https://www.ipsos.com/fr-fr/1er-tour-legislatives-2017-sociologie-des-electorats-et-profil-des-abstentionnistes> (Date of access – 20.12.2020).

2017 г. случившейся несостыковкой между политическим спросом и предложением, поскольку за Э. Макрона с неолиберальной программой проголосовала значительная часть бывшего электората социалистов, которые не хотели, чтобы во втором туре сошлись кандидат «Республиканцев» Ф. Фийон и М. Ле Пен [Le vote disruptif., 2017]. И все же разрыв между правыми и левыми продолжает остро ощущаться, когда предстоит выбирать между свободой и равенством [Mossuz-Lavau, 2020] или принимать решение в пользу тех или иных общественных ценностей. Так, опрос «Социальные расколы во Франции» (Fractures françaises), регулярно проводимый Центром исследования французской политической жизни Института политических исследований (Cevipof), показал в 2020 г., что противостояние между сторонниками левых и правых остается очень заметным. Если спросить респондентов, входит ли уровень преступности в число их главных опасений, мы видим, что те из них, кто симпатизирует «Непокоренной Франции», дают положительные ответы в 13% случаев, среди сторонников партии «Европа. Экология – Зеленые» таких 27%, среди тех, кто близок к «Республиканцам», – 72, а среди сторонников «Национального объединения» – 58%¹.

Как видно из нижеследующей таблицы, сохраняются значительные различия между опрошенными с левыми и правыми убеждениями как по вопросам социального неравенства, так и по вопросам политики в области уголовного правосудия и наказания за преступления и терроризм. Единственная сфера, где эти различия не столь велики, – экономическая политика, например вопросы покупательной способности или уровня безработицы. Зато все, что относится к социальной динамике и к социальным обязанностям государства, а также к качеству жизни (преступность, окружающая среда), выявляет раскол между и левыми и правыми.

---

¹ *Fractures françaises 2020 : Vague 8 / IPSOS Sopra-Steria pour Le Monde, la Fondation Jean Jaurès, l'Institut Montaigne et le CEVIPOF. – 2020. – 03.09. – Mode of access : <https://www.sciencespo.fr/cevipof/sites/sciencespo.fr/cevipof/files/Fractures%20Franc%cc%a7aises%202020-3.pdf> (Date of access – 20.12.2020).*

Таблица

Положительные ответы на вопрос: «Какие проблемы волнуют вас лично?» (%) с учетом партийных симпатий

	«Непокоренная Франция»	«Европа. Экология – Зеленые»	Социалистическая партия	«Вперед, Республика!»	«Республиканцы»	«Национальное объединение»	В среднем
Уровень преступности	13	27	41	49	72	58	46
Будущее социальной системы	68	43	55	34	25	33	42
Защита окружающей среды	60	68	47	54	28	28	41
Покупательная способность	53	37	36	39	32	34	40
Уровень иммиграции	3	13	12	17	58	64	28
Рост социального неравенства	60	35	46	31	13	10	27
Террористические угрозы	10	9	22	20	49	35	26
Уровень безработицы	28	18	20	22	11	21	23
Будущее системы образования	5	30	13	22	7	9	12

Источник: Fractures françaises 2020. Vague 8 / Ipsos ; Sopra Steria. – 2020. – Septembre. – P. 8. – Mode of access: <https://www.sciencespo.fr/cevipof/sites/sciencespo.fr.cevipof/files/Fractures%20Françaises%202020-3.pdf> (Date of access – 05.01.2021).

Анализ таблицы позволяет увидеть два важных изменения, которые произошли в среде как правых, так и левых. Для правых приоритетным стал вопрос преступности, это произошло в связи с беспорядками, имевшими место во время манифестаций «желтых жилетов» в 2018–2019 гг., а также в результате дискуссии о росте преступности в предместьях больших городов. Также заметно, что

неолиберализм сдал свои позиции и что глобализация стала менее популярной, чем прежде. Если в 2017 г. среди приверженцев «Республиканцев» 67% считали, что «глобализация является хорошей возможностью для Франции», в 2020 г. таковых остается 41%. Даже респонденты, близкие к партии «Вперед, Республика!», частично пересмотрели свои взгляды, доля поддерживающих это утверждение среди них снизилась за это время с 75 до 67%. Более того, мы наблюдаем, что вырос запрос на защиту от глобализации. Если в 2017 г. 49% опрошенных, близких к «Республиканцам», были согласны с положением, что «Франция должна проявить больше открытости в отношении современного мира», то в 2020 г. так считал лишь 31%. Их доля заметно упала и среди сторонников партии «Вперед, Республика!» – с 70 до 53%. В результате потребность в экономическом протекционизме заметно выросла – с 50% в 2017 г. до 61% в 2020 г. Характерно, что рост данного показателя наблюдается среди всех опрошенных, как левых, так и правых. Среди правых он увеличился с 37 до 48% у сторонников «Республиканцев»; у сторонников партии «Вперед, Республика!» – с 30 до 49%. Среди левых наблюдается схожая тенденция, что, впрочем, не так удивительно: в пользу протекционизма среди респондентов, близких к «Непокоренной Франции», наблюдается рост с 52 до 66%; среди сторонников Социалистической партии – с 39 до 66%.

Таким образом, мы видим, что в сравнении с 2017 г. произошел значительный сдвиг в области экономических представлений. Неолиберальные тезисы стали вызывать все большее отторжение, ставя Э. Макрона перед необходимостью пересмотреть свою концепцию с учетом классических правых идей голлистского толка, сочетающих либерализм и государственное регулирование. Именно по этой причине Ж. Кастекс, назначенный в июле 2020 г. премьер-министром страны, заявляет, что является «социальным голлистом». Подобное позиционирование позволяет обеспечить поддержку широкого большинства избирателей, приветствующих свободное предпринимательство, но не глобализированный финансовый капитализм. Однако эта стратегия «переманивания» правых сил в парламенте вызвала обратный эффект: то, что в 2017 г. представлялось как самобытность доктрины Э. Макрона, исчезло к

2020 г. Для все большего числа французов Э. Макрон находится уже не в центре, а на правом фланге электорального спектра. В соответствии с опросом, проведенным в сентябре 2020 г.¹, 53% опрошенных считают, что Э. Макрон на самом деле представляет интересы правых сил, что делает его конкурентом потенциальных кандидатов правых, принадлежавших к «Республиканцам», таких как Ксавье Бертран или Эдуар Филипп.

У левых, напротив, наблюдается глубокий раскол по вопросам общественных ценностей, их разделяет дилемма: защищать республиканское наследие или религиозные сообщества, в частности мусульманскую общину. Этот водораздел проходит через все партии. Ж.-Л. Меланшон оказался в центре критики со стороны социалистических лидеров и левых интеллектуалов [Bouvet, 2020] из-за своей позиции, чересчур благосклонной в отношении протестных «антирасистских» движений крайне левых, выступающих, в частности, с требованием ревизии французской истории, которая якобы чересчур снисходительно смотрела на урон, причиненный в прошлом системой рабства и наносимый сегодня расизмом. Еще одной линией размежевания, характерной для левых, является противостояние двух точек зрения на общество. Одна из них отдает приоритет развитию экономического производства и исторически продвигается Французской коммунистической партией (PCF), а другая представляет экологический подход, привлекающий молодых левых и наиболее образованных избирателей. Муниципальные выборы 2020 г. продемонстрировали приход к власти нового поколения мэров, представляющих экологическое движение, одержавших победу в таких крупных городах, как Бордо и Страсбург. Это стало возможным благодаря альянсам как с Социалистической партией, так и с «Непокоренной Францией» и Французской коммунистической партией. Подъем политической экологии отвечает не только ожиданиям большей части избирателей, обеспокоенных последствиями климатического потепления и столк-

---

¹ *Le regard des Français sur Emmanuel Macron et la droite : Sondage IFOP pour Le Journal du Dimanche*. – 2020. – 07.09. – Mode of access: <https://www.ifop.com/publication/le-regard-des-francais-sur-emmanuel-macron-et-la-droite> (Date of access – 20.12.2020).

нувшихся с кризисом, вызванным COVID-19, но и поискам новых форм политической философии, уделяющей большее внимание местным реалиям и качеству жизни в мире с ограниченными ресурсами. Однако эти победы на выборах не должны заслонять тот факт, что в 2020 г. в 48% коммун с населением более 9000 жителей мэром был избран член партии «Республиканцы», в 34 – член Социалистической партии и лишь в 2,2 – представитель партии «Европа. Экология – Зеленые», в 1,7 – партии «Вперед, Республика!» (LREM), в 1,1 – партии «Национальное объединение» (RN); в 12% коммун мэрами стали представители других объединений [Rouban, 2020]. Хотя экологическая тема с 2017 г. получила широкое распространение, ее трансформация в серьезное политическое предложение по-прежнему сталкивается с трудностями. Дело в том, что во Франции политическая экология ассоциируется с лозунгами крайне левых и является общей темой для многих конкурирующих движений, что оставляет ей мало шансов победить на выборах. В результате «зеленые» либо неспособны выдвинуть единого кандидата, который продвигал бы экологию как специфическую политическую программу, как это было в 2017 г., либо получают хорошие результаты на выборах, проходящих по пропорциональной системе, как это было на выборах в Европарламент 2019 г., где они получили 13,5% голосов. При этом им не удается утвердиться на национальной политической сцене. Тем не менее возможна иная интерпретация муниципальных выборов 2020 г., на которых увеличилось число альянсов между левыми партиями и партией «Европа. Экология – Зеленые», и ее кандидаты во многих случаях возглавили эти левые альянсы. Экология, пусть и не получила большинства голосов, но стала на этих выборах объединяющей силой для разрываемых между Социалистической партией и «Непокоренной Францией» левых партий и движений, которые так и не оправились после поражения в 2017 г. и находятся в поиске объединяющей темы для воссоздания левого блока, потенциально привлекательного для молодых избирателей.

В целом на французской политической сцене в конце 2020 г. присутствовали несколько факторов неопределенности. Первый связан с политическими последствиями кризиса, вызванного

COVID-19, и способностью правительства Ж. Кастекса сохранить равновесие между подъемом экономики и мерами по защите населения. Возврат к определенному экономическому протекционизму, закрытие границ, страх перед исламизмом, так же как и социальное неравенство, могут способствовать усилению популизма. Однако основным уязвимым местом популизма является то, что его лидеры, как левые, так и правые, не продемонстрировали должной экономической компетентности, притом что исход выборов все больше зависит от голосов старшего поколения, обладающего наиболее весомыми активами. Второй фактор неопределенности не связан с возможной победой в 2022 г. объединенных левых сил, поскольку все указывает на то, что центр гравитации политической жизни Франции сместился вправо, по крайней мере так было осенью 2020 г. Но он связан с возможным появлением кандидата правых сил из числа парламентариев, который мог бы совершить в отношении Э. Макрона то, что тот в 2017 г. совершил в отношении Ф. Олланда, т.е. «взять» его электорат, предложив ему то, что в большей степени отвечает ожиданиям большинства избирателей, а именно возвращение государственного управления и восстановление безопасности.

Литература

Baromètre de la confiance politique / CEVIPOF. – 2020. – Vagues 11 et 11 bis. – Mode of access: www.sciencespo.fr/cevipof/fr/content/les-resultats-par-vague.html (Date of access – 20.12.2020).

Bouvet L. Le péril identitaire. – Paris : Éd. de l'Observatoire, 2020. – 29 p. – (Collection «Et après»; N 21).

Cautrès B., Rouban L. La crise sanitaire au miroir de la crise sociale et politique française. Un comparaison avec l'Allemagne et le Royaume-Uni // Le monde d'aujourd'hui, les sciences sociales au temps de la Covid / M. Lazar, G. Plantin, X. Ragot (éds). – Paris : Presses de Sciences Po, 2020. – P. 207-222.

Mossuz-Lavau J. Le clivage droite-gauche : Toute une histoire. – Paris : Presses de Sciences Po, 2020. – 166 p.

Pélabay J., Sénac R. Figures du citoyen critique. Rapport de recherche. – Paris : Sciences Po CEVIPOF, 2017. – Juillet. – 11 p. – (Note ENEF ; 45).

Rouban L. La matière noire de la démocratie. – Paris : Presses de Sciences Po, 2019. – 172 p.

Rouban L. Quel avenir pour les maires ? – Paris : La Documentation française, 2020. – 198 p.

Le vote disruptif : Les élections présidentielle et législative de 2017 / Sous la dir. de P. Perrineau. – Paris : Presses de Sciences Po, 2017. – 448 p.

Перевод Е.Л. Ушковой¹

DOI: 10.31249/ape/2021.03.08

Rouban L.² ©, 2021

***The uncertainty of French political life:
the shift to the right and the crisis
of representative democracy***

Abstract. *This article deals with the evolution of French politics between 2017 and 2020. Using systematic surveys, which are conducted by the Center for the Study of French Political Life and in which the author is directly involved he shows that President Macron's policies have not succeeded in dissipating a democratic crisis affecting trust in political institution. The sanitary crisis had a great impact on the political situation in the country. In France, the crisis associated with Covid-19 was manifested not in the confrontation of political forces, but in the criticism of the government by civil society and in the growth of populism. In this respect, France is very different from Germany, where there is a general public consensus, and Great Britain, where confidence in the system-forming parties remains. Populism has gained ground in French politics and explains, more than any other factor, both the distrust in the Presidency and in government health policies. The rise of left-wing and right-wing populism has not led to the disappearance of the division between left and right. A shift toward right values and State intervention can be observed in French public opinion, changing the electoral game for the 2022 presidential campaign.*

Keywords: *populism, French politics, left-right divide, Macron's presidency, epidemic crisis.*

---

¹ Ушкова Екатерина Леонидовна – ведущий редактор ИНИОН РАН.

² Rouban Luc – Director of research at the Center for the study of French political life of the Institute of political studies (CEVIPOF Sciences Po) (luc.rouban@sciencespo.fr).

References

Baromètre de la confiance politique. (2020) / CEVIPOF. – Vagues 11 et 11 bis. – Mode of access: www.sciencespo.fr/cevipof/fr/content/les-resultats-par-vague.html (Date of access – 20.12.2020).

Bouvet L. (2020). Le péril identitaire. – Paris : Éd. de l'Observatoire. – 29 p. – (Collection «Et après» ; N 21).

Cautrès B., Rouban L. (2020). La crise sanitaire au miroir de la crise sociale et politique française. Un comparaison avec l'Allemagne et le Royaume-Uni // Le monde d'aujourd'hui, les sciences sociales au temps de la Covid / M. Lazar, G. Plantin, X. Ragot (éds). – Paris : Presses de Sciences Po. – P. 207–222.

Mossuz-Lavau J. (2020). Le clivage droite-gauche : Toute une histoire. – Paris : Presses de Sciences Po. – 166 p.

Pélabay J., Sénac R. (2017). Figures du citoyen critique. Rapport de recherche. – Paris : Sciences Po CEVIPOF. – Juillet. – 11 p. – (Note ENEF ; 45).

Rouban L. (2019). La matière noire de la démocratie. – Paris : Presses de Sciences Po. – 172 p.

Rouban L. (2020). Quel avenir pour les maires ? – Paris : La Documentation française. – 198 p.

Le vote disruptif : Les élections présidentielle et législative de 2017. (2017) / Sous la dir. de P. Perrineau. – Paris : Presses de Sciences Po. – 448 p.